

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ СТЕФАНА ГЕЙМА «КНИГА ЦАРЯ ДАВИДА», «АГАСФЕР»: ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Татьяна Г. Вилисова

Пермский университет, Россия

The article «Steven Heym's Historical Novels «King David Report» and «Ahasver»: Demythologized History and Historical Reflection» touches upon the German historical prose of 1970–80-ies. Its poetical peculiarities are revealed on the example of S. Heym's «King David Report» (1972) and «Ahasver» (1981). Distrust to the traditional view of history and criticism of the Enlightenment ideology compel the authors of historical stories (S. Heym, G. Grass, Ch. Wolf) to appeal to the sources of European history. S. Heym uses the critical potential of a myth: as foundation for his novels the author takes the Bible legends about King David and fallen angels. In Heym's works the author's attention is focused on reflecting person upon the historical background that allows a reader to penetrate into the great history through the prism of a private experience. The main narrative message of Heym's novels is expressed through the historical responsibility problem that is particularly burning in the light of the present-day situation of changing values.

В 70–80-е гг. XX в. в немецких государствах формируется новая волна исторической прозы. Пристальное внимание авторов направлено на подведение итогов человеческой истории и перспективы ее развития, поиск структурных исторических закономерностей. На исторические темы преимущественно пишутся небольшие исторические произведения – повести и рассказы (Г. Бройн, К. Вольф, Г. Грасс, Ф. Фюманн). Жанр исторического романа менее популярен, тем не менее С. Гейм пишет два романа «Книга царя Давида» (1972) и «Агасфер» (1981), в которых тесно переплетается история и библейская легенда, история малая и большая, официальный и частный взгляд на историю.

Романы С. Гейма имеют социокритическую направленность, в них сильно игровое начало: автор ведет с читателем игру, ироничную и философскую одновременно, которая направлена на демифологизацию истории и истореписания и предполагает глубокую историко-философскую рефлексю. Обращает на себя внимание техника повествования: сложное сюжетно-композиционное строение, рамочно-циклическое обрамление повествования. Пространственно-временной план выстраивается во взаимосвязи архаического и нового времени; четко обозначено время и позиция автора (авторская

ремарка, ирония), время исторического действия и исторической рефлексии. Автор строит не столько сюжет, сколько сюжетно-ситуативные ряды. С. Гейм дублирует ситуации, чередует подачу одного события с разных перспектив и проигрывание разных ситуаций по одной схеме.

Для писателя бесспорным является убеждение, что абсолютная правда невозможна, что истина складывается из множества субъективных восприятий. Официальная и общепринятая история рассматриваются как мифотворческий вариант, созданный вследствие «фильтрации» информации: то, что нам известно, – только верхушка айсберга. Основным принципом работы С. Гейма с историческим и мифологическим материалом является литературно-критический метод, который включает в себя не только психологическую разработку характеров и мотивов поведения. Он позволяет обнаружить в исходном тексте источника противоречия, которые подчеркиваются и заостряются автором. Таким образом, даже имеющаяся фактическая информация используется не столько для создания исторически достоверного образа времени, сколько для деструкции существующего традиционного представления об исторической эпохе. Этот метод работы В. Дитрих называет «анатомирующим» (Walter 1976: 66).

Стефан Гейм твердо усвоил на собственном опыте, что историческое знание по своей сути мультиперспективно. Очевидно, что писатель является продолжателем историко-мифологической традиции Т. Манна. Много общего в понимании истории и исторического знания у С. Гейма и Г. Грасса. Представление автора о глубине прошлого, очевидно, сформировалось под влиянием концепции Т. Манна о «колодце времени». Сам автор признался в одном из интервью после публикации романа «Агасфер», что сознательно избегал тетралогии Т. Манна об Иосифе, слишком сильно на него повлияло это произведение.

За «Книгой царя Давида» (после публикации романа в ФРГ в 1972 г. и в ГДР в 1978 г.) закрепилось определение «кульминационной точки» творчества С. Гейма. После выхода в свет «Книги царя Давида» в ФРГ имя С. Гейма стало известно массовой читательской публике. В широком смысле история восхождения и царствования Давида – это история на стыке времен, нового и старого. «Книга царя Давида» – роман о проблемах исторического повествования, великих личностях и маленьких людях в истории, искателях правды и трусливых храбрецах, которые осознают свою несвоевременность, но не могут жить вопреки своему мироощущению. Как правило, такая доля выпадает художникам, в этом смысле «Книга царя Давида» – роман о художнике и его

восприятию истории. С. Гейм охарактеризовал свой роман как «три в одном»: «Книга царя Давида» – это библейский, исторический и актуально политический роман. Итак, произведение имеет многоуровневый конфликт, его политическая сторона была подробно изучена литературной критикой в ФРГ, конфликт между художником и государством – в ГДР; на сегодняшний день наибольший интерес представляет историко-философский аспект романа.

В романе «Книга царя Давида» исторический конфликт представлен двупланово: глобально и локально. С одной стороны, изображается смена эпох, формирование прообраза современной цивилизации. На исторически-конкретном уровне представлена борьба за власть между племенными старейшинами и первыми царями раннеизраильского государства, которая в итоге заканчивается централизацией власти при Давиде. Важно отметить, что обе стороны конфликта для редактора «Книги царя Давида» Ефана уже являются историей. Таким образом, он имеет возможность сравнить результаты с первоначальными замыслами.

Стержнем романа, вокруг которого строится сюжетное действие, является история восхождения и правления Давида, представленная в романе в удвоенном варианте как книга в книге. По сути, «Книга царя Давида» – это записи Ефана о создании Книги при дворе по приказу царя Соломона, что создает эффект информированности из первых рук. История Давида – мост между двумя временными островами, переходный этап от архаического состояния общества к цивилизованному. Именно такой взгляд дает объяснение того, как Давид, сын пастуха Иессея, мужчина не из рода Саула, мог стать царем Израиля. Такое видение этого периода раннеизраильской истории вводится в роман через размышления Ефана, которые, разумеется, не включены в библейскую историю Давида. При ближайшем рассмотрении оказывается, что с наступлением нового времени люди Израиля окончательно утратили мир и свободу, которые царили в глубокой древности. Порядки нового времени вынуждают человека жить одновременно в двух разных мирах: «один – тот, который описан в учениях мудрецов, судей, пророков, а о другом вроде бы нигде не говорится, однако он не менее реален; в первом мире правит Закон и слово Божье; законы второго не писаны, но блюдутся также строго. И подобная двойственность духа – благо, ибо иначе человек не смог бы жить так, как того требуют от него законы реального мира» (Гейм 1990: 5 / 136). Мораль евнуха Аменхотепа символизирует «кастрированное» общество нового времени. Его

главный закон – страх, он формирует общественное сознание, он – движущая сила истории.

Тем не менее смена старого времени новым – это не просто процесс замещения одного другим; это постепенное накопление мелких, почти незаметных преобразований, которые делают возможным большой временной скачок. История Давида – завершающий этап переходного периода. Установление централизованной власти при Давиде – веха нового времени. Период на стыке времен символизирует борьба законов – закона кровной мести и права на собственность, т.к. они являются выражением смысла времени.

Понять смысл времени не просто. Путь к пониманию истории представляет сюжетная линия историка Ефана. Его основное внимание направлено на образ Давида. Главный вопрос, ответ на который ищет Ефан в глубине времен, напрямую связан с восхождением Давида к власти. Прежде всего, Ефана интересует, что за человек был Давид. Давид – сильная личность, наделенная поэтическим воображением, что его существенно отличает от мелочных притязаний сына Соломона. Однако Ефана интересует не только историческая сторона. По своей сути Ефан – писатель и философ. Его интерес направлен на ход событий и его скрытые механизмы (Гейм 1990: 5 / 131). В самом начале романа Ефан задается вопросом: «Откуда приходят бури, которые изменяют лик мира, и что порождает их? Если когда-нибудь появится человек, способный предугадать их направление...» (Гейм 1990: 4 / 42). Ефан размышляет о сути нового времени: оно принесло с собой деньги и борьбу за власть, которую все меньше заботит, какими средствами она достигается; и приходит к выводу: «Бури, которые изменяют лик мира, веют стужей» (Гейм 1990: 4 / 42). Давид для многих – человек-хищник, который существенно повлиял на характер нового времени. Однако для Ефана это слишком упрощенный взгляд. В разговоре со своей женой Есфирью в середине романного действия Ефан спрашивает: «А, может, любые устремления тщетны, и даже самый великий человек служит игрушкой стихий, словно песчинка, гонимая вихрями своего времени» (Гейм 1990: 5 / 109). Думается, что в этом вопросе суть исторической концепции самого автора. Видимо, человек – не творец в истории, но деятель, в планы которого само время вносит поправки. Таким образом, история не просто сумма частных волей, а их кривая.

Важным для интерпретации образа Давида является определение Ахитофела, бывшего советника царя Давида: Давид – человек в ловушке времени. С одной стороны, Давид востребован своим

временем, он тот человек, который сумел создать сильное централизованное государство. В этом историческая заслуга Давида. С другой стороны, Давид – целиком и полностью человек, укорененный в своем времени, ему не дано шагнуть за его пределы. Даже такая сильная и целеустремленная личность не может противостоять влиянию безграничной власти. С этой точки зрения деспотизм Давида неизбежен. Пленником во времени ощущает себя и Ефан, человек из другого мира. Таким образом, автор решает антиномию сильной личности и обстоятельств в пользу давления времени.

Рефреном звучит в романе идея о том, что «ни одна история не начинается со своего начала», но «корни дерева» «достигают глубинных вод» (гл. 2, 4, 10, 11, 16). Путь Ефана – попытка добраться до самого основания – образует историко-философскую линию произведения, линия иронии представляет официальное истореписание. Трудно удержаться от прямолинейных сравнений правителя-деспота и государства-молоха с примерами из недавнего прошлого, однако функция иронической игры автора видится в другом. С. Гейм демифологизирует официальную историю и ее претензию на единственность и истинность. За основу берется мифологическая ситуация, это дает возможность выйти автору на метаисторический уровень. Мифологическая основа романа позволяет предположить, что писатель имеет в виду не столько раннеизраильскую историю и историю современных тоталитарных государств, сколько видит в далеком мифическом прошлом начало и модель современной традиции истореписания.

Роман «Агасфер» можно рассматривать как развитие исторической концепции автора, как продолжение С. Геймом историко-философской линии, намеченной им уже в «Книге царя Давида» в образе Ахитофела. Образ Ахитофела идеален и утопичен. Он – сторонник социальной справедливости, которую называет «делом Господним» и верит в ее осуществимость. По натуре Ахитофел – революционер, он готов пойти против всемогущего Давида, он – достаточно опытный политик и «мудр как ангел Божий». Именно эта характеристика Ахитофела усиливает определенное сходство с Агасфером, главной фигурой более позднего романа С. Гейма.

В «Агасфере» С. Гейм вновь обращается к мифу, однако на этот раз источником легендарного материала является не Библия. Работая над образом Агасфера, автор основательно изучил апокрифы. Апокрифические источники в отличие от строгого фиксированного изложения Библии ближе к мифу. Х.-П. Эккер отмечает их большую наглядность, богатство выразительных деталей (Ecker 1987: 115).

Необходимо отметить, что, ремифологизируя библейскую историю творения, Гейм использует и альтернативные – демифологизирующие – элементы, особенно заметные при анализе образов Бога, Люцифера и Равви. Менее всего демифологизация коснулась образа Агасфера.

Роман «Агасфер» имеет сложную многоуровневую структуру. Мифологическая основа произведения задает ему масштаб и рамку. История представлена фрагментарно: сотворение Земли и человека, начало нового летоисчисления после пришествия Христа, его жизнь и смерть, Германия после Реформации, 80-е гг. XX в. в ГДР и конец света. Мифологический фон включает в себя шестой день творения, спор ангелов с богом, который продолжается до Армагеддона и конца света. Мифологическая основа образует смысловой горизонт романа и дает ключ к его пониманию. Для автора миф является константой, которая позволяет упорядочить разнородный материал (легенда, религия, наука) и организовать его в единый текст.

Основой системы образов и сюжетного действия является двойная оппозиция, которая задается уже в первой главе романа: 1) полемика между Богом и поверженными ангелами; 2) противостояние Люцифера и Агасфера. Все остальные действующие лица попадают в поле напряжения, существующее между тремя основными фигурами. Реббе Йошуа находится в поле напряжения между Богом и Агасфером; профессор Байфус и Пауль Эйцен – между Люцифером и Агасфером. Сквозные образы, вокруг которых строится произведение, не позволяют распасться романым уровням, хотя они вполне могли бы быть и отдельными историями. Исторические главы подхватывают и развивают темы и мотивы, заданные в первой главе, образуют историко-парадигматический ряд: конкретизируют и варьируют мифологическую ситуацию. Эккер, автор диссертации, посвященной «Агасферу», рассматривает историю человечества в романе Гейма на фоне вечности «как эпизод более глобального устройства – космоса» (Ecker 1987: 91).

Продуктивным для анализа романа является его сравнение с тетралогией Т. Манна об Иосифе. Очевидно, что оба произведения берут за основу «модель вращающейся сферы» (напряжение между верхом и низом, повторение небесной ситуации на земном уровне) (Ecker 1987: 137). Основная аналогия между небесным и земным в романе Гейма – попытки создания Царства Божия (создание Творцом мира из Ничего, Царство Божие в Шлезвиге при содействии суперинтенданта Эйцена и великая коммунистическая утопия).

Характеризуя романное время, можно выделить следующие преобладающие фигуры темпорального членения: одновременность, префигурация, смешение линейного и циклического времени.

Смысловым стержнем произведения является конфликт двух основных принципов мироздания, конструктивного и деструктивного. Они определяют структуру мифологического уровня и ход человеческой истории. Каждый исторический этап дает варианты взаимодействия этих сил. То, что конфликт заключается не только в противоборстве, становится ясно уже из первой главы романа. Как уже говорилось, первая глава имеет особое значение для прочтения всего произведения. Вопросы, поставленные в начале, являются смысловым «ключом» к роману и актуализируются на каждом историческом уровне. В первой главе формируются не только темы и мотивы, но и расстановка действующих сил, которые определяют затем структуру всех исторических уровней. Образ Агасфера является осью конфликта и тем самым связующим элементом между мифологическим и историческим уровнями. С одной стороны, он вступает в противоборство с Богом, создавшим человека «по единоличному решению» и тем самым нарушившим изначальную гармонию мира. В этом противостоянии интересы Агасфера частично разделяются Люцифером, его тоже не устраивает божественный порядок, венцом которого является человек. При ближайшем рассмотрении оба бунтовщика, чьи взгляды относительно земного мироустройства во многом совпадают, совершенно расходятся в понимании цели.

Итак, история в романе С. Гейма «Агасфер» предстает не как отдельный случай, а как модель и проблема. Историческая концепция автора строится на убеждении, что существуют некие метасилы, формирующие историю. Символическая конкретизация этих сил открывает в произведении мифологическое измерение. Однако эти силы не пребывают вечно в своей прообразности. История, по С. Гейму, есть взаимодействие основных принципов на разных ступенях исторического процесса. Сменяющиеся одежды делают их видимыми.

Меняются исторические декорации, но человек неизменно стоит перед выбором – свобода воли или предопределение, «быть колесом, попавшим в колею» или «возницей, управляющим быком». Дилемма, не решенная Равви, не может быть позитивно решена и человеком (Бауфусом, Иудой, Эйценом), пока он не преодолеет страх перед ответственностью, несмотря на веру Агасфера, что спасителем может стать каждый, кто создан по образу и подобию Божьему. Легче и

проще быть догматиком, Гейм представляет в «Агасфере» трехступенчатую эволюцию догмы: вера в Бога, культ Бога, атеизм.

Сопоставительный анализ романов «Книга царя Давида» (1972) и «Агасфер» (1981) показывает, что историческая концепция автора постоянно усложняется. Что касается эстетических качеств исторической прозы Гейма, то в 70–80-е гг. они остаются почти неизменными: сочетание факта и вымысла, реального и фантастического; присутствие игрового начала, экспликация авторской позиции через иронические замечания стороннего наблюдателя, демифологизация библейских историй и официального исторического описания, историко-философская рефлексия.

Библиографический список

Ecker H.-P. Poetisierung als Kritik. Stefan Heyms Neugestaltung der Erzählung vom Ewigen Juden. Tübingen: Narr, 1987. (Beiträge zur Sprach- und Literaturwissenschaft. Bd. 13).

Heym S. Ahasfer / S. Heym // Fischer Taschenbuch Verlag. Frankfurt / M., 1999.

Heym S. Der König David Bericht / S. Heym // Fischer Taschenbuch Verlag. Frankfurt / M., 2000.

Walter. D. Von einem, der zu viel wusste. Versuch über Stefan Heyms «König David Bericht» / D. Walter // D. Walter. Wort und Wahrheit. Studien und Interpretation alttestamentischer Texte. Neukirchen: Neukirchener Verlag, 1976.

Гейм С. Книга царя Давида / С. Гейм // Иностран. лит. 1990. № 4. С. 44-82.

Гейм С. Книга царя Давида / С. Гейм // Там же. № 5. С. 79-176.